

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ МИФ ЯКОВА БЯШКОВА: К ИСТОРИИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В 1918 Г. (II)

Журавлев Вадим Викторович

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия
vzh@mail.ru

Аннотация. Настоящей публикацией завершается ввод в научный оборот выявленных фрагментов политико-мифологического романа Якова Владимировича Бяшкова, участника антибольшевистского движения на востоке России. Сочинение Бяшкова – яркий и оригинальный идеологический нарратив восточнороссийской контрреволюции. Используя сквозной мотив сверхъестественного профетического знания, автор предъявлял читателю последовательный набор «белых» идеологем. Метафизический базис его антибольшевистского мировоззрения составлял политически окрашенный гностицизм. Бяшков предстает как особая фигура антибольшевистского идеологического ландшафта, как первопроходец реакционного «ориентализма», автор, ищущий основы контрреволюционной картины мира. Мифологемы, актуализированные Яковом Бяшковым в ходе этих поисков, смогли надолго пережить колчаковскую диктатуру.

Ключевые слова: Гражданская война, контрреволюция, белое движение, политические идеи, идеология, монархизм, правый радикализм, Монголия, Л.Г. Корнилов, А.В. Колчак, мистика.

Цитирование: Журавлев В.В. Контрреволюционный миф Якова Бяшкова: к истории антибольшевистской идеологии на востоке России в 1918 году (II) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 274–299. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-274-299 / Zhuravlev V.V. Counterrevolutionary Myth of Yakov Byashkov: The History of Anti-Bolshevik Ideology in the Russian East in 1918 (II), in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 274–299. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-274-299.

© Журавлев В.В., 2021

COUNTERREVOLUTIONARY MYTH BY YAKOV BYASHKOV: TO THE HISTORY OF ANTI-BOLSHEVIK IDEOLOGY IN THE RUSSIAN EAST IN 1918 (II)

Zhuravlev Vadim V.

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
Novosibirsk, Russia
vvzh@mail.ru

Abstract. This article completes the publication of the revealed fragments of the political and mythological novel by Yakov Vladimirovich Byashkov – member of the anti-Bolshevik movement in the Russian East. The literary work of Byashkov is a bright and distinctive narrative of the East Russian counterrevolution. It reflected a complex of ideas typical of a wide range of versions of counterrevolutionary ideology and propaganda. Using the main motif of supernatural prophetic knowledge as a technique allowing to overcome the rationalism, the author provides a reader with the sequential set of “white” ideologems. Politically charged gnosticism formed the metaphysical basis of anti-Bolshevik mindset. Bolshevism was perceived as an intrusion of infernal enemy. The reason of disaster was de-scribed as the decay of ideal “primordial” world; specifically, the degradation of the rulers’ dynasty, with the main blame being placed on Nicholas II. Bolshevism was accused of fierce terror, which should be followed with proportionate response of similar cruelty. These ideas were accompanied by the belief in restoration of the transfigured monarchy and proclamation of a mystical leader cult. Byashkov is represented as an unusual figure in the ideological landscape of counterrevolution, as a pioneer of the reactionary “orientalism”, the author looking for foundations of counterrevolutionary worldview. Mythologemes that Yakov Byashkov actualized in the course of this search managed to outlast the Kolchak’s dictatorship.

Keywords: Civil War, counterrevolution, “White” movement, political ideas, ideology, monarchism, right wing radicalism, Mongolia, Lavr Kornilov, Alexander Kolchak, mysticism.

Настоящая публикация вводит в научный оборот пять новелл Я.В. Бяшкова, завершающих его политико-мифологический роман, опубликованный осенью 1918 г. во Владивостоке. Окончание. Начало (первые три новеллы, а также археографическое введение) см.: Журавлев В.В. Контрреволюционный миф Якова Бяшкова: к истории антибольшевистской идеологии на востоке России в 1918 году (I) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 242–266. DOI 10.18522/2500-3224-2021-3-242-266.

№ 4. СКАЗКИ БАИРА [III. ХАН ГАЛАН-БОШИКТУ И МУДРЕЦ МЕРГЕН-БАТАР]

25 сентября 1918 г., среда

Вчера мальчик-охотник рассказал мне, что далеко в тайге он видел развалины монастыря¹.

И вот сегодня мы поехали туда. Долина Галдатая² еще была окутана мраком, но вершины гор золотились под лучами восходящего солнца.

Лошади идут весело, и их едва сдерживаешь. Вот выехали на ровную дорогу.

Мои спутники, видимо, ожидают разрешения проскакать.

Но сегодня дорога предстоит дальняя, и я сдерживаю своего коня. Наконец мой помощник, – бывший хунхуз, купивший недавно великолепного скакуна и не испытывавший еще его, не выдержал и с криком: «А ну, Нойон, кто кого?!» поднял коня на галоп.

Солдаты радостно вскрикнули, гикнули, и мы с криком и свистом лавиной понеслись по долине.

Шедшие на соседние прииски рабочие-китайцы с ужасом бросились в сторону, в болота, приняв, видимо, нас за хунхузов.

Их испуг только еще больше развеселил монголов, – крики усилились, кони обезумели. Скоро гнались только двое: мой помощник на вороном жеребце и я на своем громоздком буром коне.

Такой бешеной скачки я не упомяну. Рывины, ямы, кусты, испуганные китайцы – всё пронеслось мимо, как тени. Каждый из нас видел только раздувшиеся ноздри коня своего противника и слышал только стук копыт его коня. И мы неслись и неслись...

¹ Прототипом этого монастыря послужил монастырь Сарьдаг, основанный в XVII в. и связанный с деятельностью Дзанабадзара, первого монгольского богдо-гэгена и выдающегося буддийского скульптора. Я.В. Бяшков посетил развалины монастыря с археологическими целями в 1916 г. См.: [Елихина, 2019].

² Галдатай – река, левый приток реки Толы в ее верхнем течении.

Но вот за поворотом дорога пошла круто в гору, и пришлось сдерживать коней. А это не так легко, и в конце концов мы принуждены были пересечь на заводных, т[ак] к[ак] наши скакуны не могли успокоиться: все рвались вперед, и их пришлось взять на повод.

Перевал оказался необычайно скверным, и мы дали коням роздых на его вершине. Весь перевал порос гигантскими лиственницами, у корней которых цвел целый сад, пестря самыми яркими красками, красками юга.

Сзади нас узкой стальной лентой вился Галдатай и белелись наши палатки. В бинокль я видел, как наш геолог старался что-то объяснить монголу, тот его не понимал: геолог сердился, кричал... Впереди нас, среди скалистых черных гор, яростно шумела белая от пены Тола¹. А там, дальше, далеко за ней, белой грядой выступали вершины Алтан-Улугуй², что значит – Золотая колыбель – место родины великанов и сказочных богатырей. Переправа через Толу оказалась более трудной, чем ожидали. Река была неглубокая, но, когда мы выезжали в воду, то она поднималась выше брюха лошади, силясь смыть препятствие.

Проехали Толу и стали подыматься по реке Сумун.

Веселая журчащая речушка извивалась по узкой долине, бросаясь от одного склона к другому.

И справа и слева склоны были сплошь покрыты цветущим рододендронам.

Розовые цветы ярко выступали на темной зелени его кустов, наполняя воздух тонким ароматом, кое-где высились гиганты-сосны или диким потоком сбегали коричневые скалы. Тропинка вьется по краю долины то среди рододендрона, то среди низкой березы, едва достигавшей брюха лошади. Скоро тропа вывела нас на лед, заполнявший долину, несмотря на конец июля, и здесь затерялась.

Глухо шумит река под толстым льдом. Глухо отдаются боязливые шаги наших коней.

Через топи и скалы, в глухой тайге нашли мы, наконец, развалины.

Великолепно сложенные из тесаной красной осины стены и гигантские рвы окружали то, что когда-то было городом и кипело жизнью.

Под развалинами храмов лежали разбитые статуи – бывшие боги. Бронзовые, терракотовые, безрукие, безногие, лежали они, одни только говорившие о былой жизни, о былых духах. Их строгие лица, казалось, не замечали разрушения и поругания, а широко открытые глаза видели невидимое для нас.

Великаны кедры выросли уже на этих развалинах и мягко шумели густыми вершинами.

¹ Тола (совр. Туул) – река, берет начало в районе горного узла Бага-Хэнтэй, впадает в Орхон.

² Алтан-Улугуй – хребет в междуречье Толы и Керулена (Хэрулуна), отрог Хэнтэйского нагорья.

Высоко в бледно-голубом небе с криком глухой тоски и бессильной ярости носился орел, боясь за свое гнездо на одной из скал.

Сухо щелкнул выстрел винтовки. Орел отчаянно взмахнул одним крылом и потом стал медленно падать, вертясь и хриплым клекотом прощаясь со своими обреченными на смерть детьми.

Только спустившись обратно в долину на лед, мы вздохнули и развеселились. Кладбище богов осталось сзади. Не темные кедры, а веселые лиственницы окружали нас.

Наши яркие шелковые халаты, кровные горячие кони, прозрачный лед, пахнувший свежестью рододендрон и наша молодость невольно веселили и бодрили нас...

Поздно вечером вернулись мы в лагерь.

Весело пылали костры; заманчиво пахла стряпня нашего повара.

А ночью при свете мерцающих звезд, под тихие вздохи ветра, Баир рассказал нам предание о развалинах.

* * *

Давно, очень давно в этих горах жило племя Номтэ. Так назывался народ за его огромный ум.

Лучшие ученые были из народа Номтэ; лучшие сочинения писались людьми Номтэ. Лучшие статуи были сделаны мастерами Номтэ.

И жил этот народ счастливо, пользуясь заслуженной славой.

Не понравилась такая жизнь Владыке Ада, и послал он на землю своих самых верных слуг – Смерть и Духов Безумия.

Темной ночью, речным туманом, запахом болотных трав вошла смерть в ханские покои.

И скончался Хан.

Черной грозовой тучей среди бела дня налетели на гору Духи Безумия, Духи Бешенства и вселились в ханских наследников.

Междоусобие поднялось в некогда благодатной стране.

Кровь лилась рекой, и тюрьмы переполнялись. Прослышал про это владыка Алтая Хан Галдан-Бошикту¹ и обрушился огнем и мечом на раздираемый внутренними распрями народ.

Быстро прошел Хан всю страну со своим войском и взял столицу.

¹ Галдан-Бошикту (Галдан Бошогу, 1644–1697) – джунгарский хан с 1671 г., вел войны с Халхой, в которых потерпел поражение.

Это в ее развалинах был ты сегодня, Нойон.

Один из бывших придворных, мудрец по имени Мерген-Батар, не выдержал постоянных издевательств и в глубоком трауре пришел к Хану.

Хан! Великая скорбь и бесконечные несчастья моего народа привели меня сегодня к тебе.

Хан! Мы были великим народом! С нами считались все соседи, а наших ученых чтили повсюду.

Волею судьбы нас постигло страшное несчастье – междоусобие воцарилось среди нас, объятых Духами Безумия.

Твои войска заняли нашу страну, и мы так обезумели, что многие были рады твоему приходу, ожидая помощи.

Но надежды оказались тщетными.

Междоусобие сделалось еще больше, только стало теперь подпольным.

Твои военачальники нарочно сносятся с самыми скверными людьми моего народа, т[ак] к[ак] те ничего не понимают и не смогут [оказать] противодействия или могут быть легко подкуплены.

Наши лучшие люди не у дел, и с ними совсем не считаются.

Всякого, заговорившего о возрождении, быстро придушают.

Твои солдаты наводнили нашу столицу, творя то, что захотят.

Твои солдаты среди бела дня на улицах оскорбляют наших жен и дочерей.

На постоянных дворах они занимают все места, т[о] е[сть] приезжим нашим людям приходится стоять на улице.

Во всех лавках твои солдаты забирают то, что им нравится.

Нами помыкают; над нами издеваются; с нами не считаются, нас не замечают!

Мы больше не хозяева в своей стране!

Пойми, о Хан, наше положение и или помоги нам встать на ноги, или, о чем я, жалкий червяк, буду просить тебя, обложи нас какой хочешь данью, выведи свои войска обратно!

Дай нам стать самими собой и самим быть хозяевами в своей стране!

Хан! Не я, а великие страдания народа говорят моим языком!

Хан! Пойми меня!..

Не понял Хан стона истерзанного и со смехом и бранью выгнал мудреца вон.

Щедрые награды получили гонцы Владыки Ада, так хорошо сделавшие свое мерзкое дело, что через четыре столетия ты, Нойон, нашел только развалины города, а о самом народе Номтэ осталось всего только рассказанное сейчас мной преданье!

* * *

Закончил Баир.

Восток побледнел — это загорался новый день.

Привезенные статуи богов не замечали нас, глядя широко раскрытыми глазами в вечность.

Я. Б[яшков]

Приморская жизнь. 1918. 25 сентября. № 27.

№ 5. ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО (ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА) [I]

27 сентября 1918 г., пятница

Корнилов арестован.

Об этом на все лады крикливыми фразами возвещают прокламации Керенского.

«Товарищи Солдаты, Революция спасена!»

Подтянувшиеся было солдаты великолепно поняли момент и их уже никакими силами нельзя было заставить заниматься и даже идти на позицию.

Мы, открыто объявившие себя сторонниками нашего генерала, в свою очередь ожидали ареста или, попросту, самосуда.

Откровенно говоря, и то, и другое мы ждали довольно спокойно, т[ак] к[ак] стало ясно, что война проиграна, революция погибла и существование самой России как великой державы стало проблематичным.

Стало ясно, что миллионы павших, молодых жизней погибли зря.

И свое собственное несчастье казалось таким маленьким, таким незначительным.

Один за другим возникают эксцессы.

Сперва набросились на одного поручика ударной роты, который хотел зарубить шашкой солдата, агитировавшего против отправления на позиции.

Немного спустя полк отказался заступить на позиции, мотивируя свой отказ поздней посылкой квартирьеров.

Атмосфера сгущалась.

Все ждали чего-то ужасного.

И это ужасное пришло.

Согласно приказанию нашего штатского Военного Министра части, отказавшиеся идти в окопы, отводились в тыл и там расформировывались. Таким образом, трусы достигали своего — они попадали на продолжительный срок в тыл, и зараза распространялась все дальше и дальше, все глубже и глубже пуская свои корни.

Рис. 2. «Привезенные статуи богов не замечали нас, глядя широко раскрытыми глазами в вечность». Будда. Фрагмент глиняной статуэтки из развалин монастыря Сарьдаг, найденный Я.В. Бяшковым в 1916 г. Собрание Государственного Эрмитажа, фотография Ю.И. Елихиной. Опубликовано: [Елихина, 2019, с. 171].

Fig. 2. "The brought statues of the gods did not notice us, looking wide-eyed into eternity". Buddha. A fragment of a clay figurine from the ruins of the Sardag monastery, found by Ya.V. Byashkov in 1916. Collection of the State Hermitage, photograph by Yu.I. Elikhina. Published: [Elikhina, 2019, p. 171]

Таким образом к нам привели три Сибирских полка. Полки, конечно, отошли в тыл очень охотно, предусмотрительно захватив с собой пулеметы.

И пока командиры тщетно метались в поисках силы, способной разоружить эти банды, солдаты ходили в соседние части и пропагандировали.

В последнее время при каждой дивизии были образованы запасные полки, где обучалось прибывающее пополнение.

Все вновь прибывающие солдаты великолепно митинговали, но, буквально, не могли даже зарядить винтовку.

Командиром такого запасного полка в нашей дивизии¹ был полковник² Макаревич.

Много сил потратил он на борьбу с пропагандой большевиков, но все напрасно.

И вот, однажды³ он велел выстроить полк и стал объяснять необходимость войны и необходимость для каждого солдата военной подготовки.

В этот день была в полку баня, и много нас, офицеров, собралось на своеобразный окопный праздник.

Не успел я как следует вымыться, как в баню врывается мой денщик и кричит, что убивают полковника Макаревича. «Вот оно, началось», — невольно промелькнуло у каждого из офицеров.

Почти в одном белье выскочили мы из бани.

Около землянки полкового командира виднелась толпа солдат, кричащая и жестикулирующая. Неслись новые для нас тогда, а потом ставшие такими знакомыми, «родными» возгласы: «Довольно нашей кровушки попили! Бей его! Бей!»

И началось избиение.

Били, как попало, чем попало, куда попало.

Окровавленный полковник находился в самой толпе и уже не пробовал защищаться.

Его дикие, нечеловеческие стоны подымали волосы на голове.

Растолкав толпу, нам удалось криками отогнать ее и отбить командира.

Кожа с черепа висела у него ниже лица, и он весь был залит кровью.

Рыдающий старик, татарин-денщик, принес воды и стал обмывать полковника. А тот все время едва внятно шептал: «За что?.. за что это меня?..»

¹ Речь идет о 132-й пехотной дивизии, сформированной в ноябре 1916 г., входившей в состав 1-го Сибирского армейского корпуса 10-й армии и действовавшей на Западном фронте.

² Макаревич имел чин подполковника.

³ 2 октября 1917 г. См.: [Муратов, 1958].

Посоветовавшись и видя, что солдаты опять собираются в кучи и около них шныряют какие-то подозрительные личности, мы решили увезти полковника.

Перепуганная криками лошадь заартачилась; потерявший сознание Макаревич не мог с ней справиться, и гикающая, вопящая толпа солдат настигла его на берегу Вилии.

И началось истязание!

Тысячи били одного!

Пробовали было отбить – досталось и нам. Бросились к пулеметам – они исчезли; тогда я бегу в землянку телефонистов и даю знать в дивизию. Оттуда – ничего утешительного.

С батареей у нас связи не оказалось.

От воплей полковника со многими офицерами и рядовыми солдатами сделалась истерика.

* * *

Когда все кончилось, приехала следственная комиссия и два комитета: корпусный и дивизионный для уговоров.

Медицинским осмотром установили переломы костей и наружные раны – одним словом, из полковника получился окровавленный мешок с костями.

Таскали нас на следствие. Опрашивали, допрашивали и решили, в конце концов, отвести убийц в тыл еще более глубокий для... расформирования.

Тут толпа поняла, что она является хозяином положения, и стала творить свою волю.

Офицерам, защищавшим М[акареви]ча, было предложено высшим командованием уехать в отпуск, чтобы избежать самосуда.

Пять офицеров уехало.

Двое нас не пожелало скрываться и остались в дивизии.

Но испытание оказалось более тяжелым, чем мы думали.

Надо было заставлять себя спокойно здороваться с солдатами, когда хотелось крикнуть: «Здорово, убийцы!». Окровавленный призрак полковника, оставшегося не отпущенным, все время преследовал меня. Через неделю пришло письмо, извещавшее о смерти моего двоюродного брата – капитана, убитого солдатами в Кронштадте.

И я с радостью взял командировку в Петроград.

Я. Б[яшков]

Приморская жизнь. 1918. 27 сентября. № 29

№ 6. ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО (ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА) [II]

2 октября 1918 г., среда

Было начало октября.

Грязь стояла невылазная.

Петроград стал неузнаваем.

Все партии готовились к выборам в Учредительное собрание.

Все говорили только о нем, еще веря в возможность созыва.

«Не посмеют разогнать!» – слышалось всюду. – «Это им не простят. Это будет концом для них!..»

Катастрофическое положение на фронте все сознавали, но не предполагали конца Армии.

Так к середине октября я рассказывал профессору С. Ф. Ольденбургу¹ о положении на фронте; я говорил, что Армии уже нет; что положение безнадежно.

Но он не согласился, объясняя мое мнение измотанностью нервов. «Надо правильно поставить комитеты; надо точно определить их функции и функции офицеров» и т. д. и т. д. Так еще верили тем ложным докладам, которые представлял Керенский.

Тем временем партии вели агитацию. Наша (к.-д.) партия устраивала ряд лекций и митингов, на которых выступали лучшие наши государственные деятели: Милюков², Кокошкин³, Родичев⁴, Кареев⁵, Ольденбург и др. Обычно собрания происходили или в Бирже, или в Реальном училище.

Я говорю здесь про Вас[иле]-Островский район.

Ожидание погромов стало таким определенным, что каждый дом избирал коменданта и его помощника и все живущие несли караулы. Иногда днем дежурили и дети.

¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, индолог, академик Императорской (Российской) академии наук, профессор Петроградского университета. В 1917 году – член ЦК Партии народной свободы, в июле – августе 1917 года – министр народного просвещения Временного правительства.

² Милюков Павел Николаевич (1859–1943). Лидер Партии народной свободы, в марте–мае 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства.

³ Кокошкин Федор Федорович (1871–1918). Член ЦК Партии народной свободы, в июле–августе 1917 г. государственный контролер Временного правительства.

⁴ Родичев Федор Измайлович (1854–1933). Член ЦК Партии народной свободы, в марте–мае 1917 г. был комиссаром Временного правительства по делам Финляндии.

⁵ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, член-корреспондент Императорской (Российской) академии наук, профессор Санкт-Петербургского (Петроградского) университета. Член Партии народной свободы.

Наши поползновения объединить домовые охраны в районы и таким образом противопоставить погромщикам серьезные силы, встретили препятствие и не увенчались успехом.

Я жил в квартире председателя В[асиле]-О[стровского] района – проф. Руднева¹, и почти каждую ночь, т[ак] к[ак] день весь занят, мы выходили с ним дежурить. И на эти долгие часы о чем только не переговоришь: тут обсуждались текущие события, партийные дела, продолжались прерванные лекции по востоковедению.

В Университете занятий почти не было, да и те быстро закончились после предъявления совнаркомом известных всем требований к студентам и профессорам.

Видевший академика Шахматова², дежурящего у ворот Академии наук вместе с бывшим министром – академиком Ольденбургом, никогда не забудет этой картины. Никогда не забуду, как перед выборами мы с Рудневым вдвоем по ночам расклеивали по заборам, дверям наши воззвания, обращения и даже под конец картины художника Б[илибина]а³. На картине изображен был Вильгельм⁴ в виде германского орла. Ленин с правдой⁵ в кармане низко кланялся ему, предлагая покорить виднеющийся на горизонте Петроград. По другую сторону стоят изголодавшиеся германские солдаты, ожидающие приказания идти за Лениным на грабеж.

Под картинкой помещались сочиненные Б[илибины]м же стихи⁶. Картинка имела невероятный успех.

В ночь на 25 падает Зимний Дворец. По городу пошел слух, что Керенский заранее удрал и сейчас подступает к Петрограду с огромными силами.

В слухах запутались.

Для проверки я решил съездить в Царское Село. На вокзале шла деятельная посадка красной гвардии в вагоны и отправка их на «фронт».

У всех лица радостные, веселые.

¹ Руднев Андрей Дмитриевич (1878–1958) – монголовед, фольклорист, занимался записями песен и сказаний калмыков, профессор на кафедре монгольской словесности Восточного факультета Петроградского университета, составитель фундаментального сборника «Образцы монгольской народной литературы» (СПб., 1908).

² Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – филолог и историк, академик Императорской (Российской) академии наук, профессор Санкт-Петербургского (Петроградского) университета. Член Партии народной свободы.

³ Билибин Иван Яковлевич (1876–1942) – живописец, иллюстратор и карикатурист, автор рисунка эмблемы Временного правительства.

⁴ Речь идет о следующем плакате: «О том, как немцы большевика на Россию выпускали» / худ. И. Билибин. Пг.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1917.

⁵ Имеется в виду газета «Правда».

⁶ Автором стихов, помещенных на плакате, был известный поэт-сатирик Саша Черный (А.М. Гликберг). См.: [Перхин, 2014, с. 76].

Под видом простого гостя я остановился у одного знакомого. На другой день иду осматривать войска и позиции.

Ходил, ходил – нет войск.

Что за черт?!

Попалось несколько небольших разъездов Амурских казаков – вот и все.

Много всяких предположений промелькнуло у меня в голове.

Наконец, у дворца Марии Павловны¹ удалось встретить автомобиль, где сидели Керенский и генерал Краснов². Где же грандиозные силы, о которых так много говорили в Петрограде?

И я дал в Районный Комитет партии условную телеграмму, что надежды нет.

Телеграмму не получили, т[ак] к[ак] в Петрограде приостановили доставку.

Большевики стреляли «на глаз», так что снаряды вместо Пулковских высот попадали в Царское, хотя особых повреждений не произвели.

Ночью казаки отошли, а на другой день «красные» с чрезвычайными мерами охранения заняли Село.

Пришедшие с ними офицеры – преимущественно «второразрядники»³ – оправдывались, что шли под страхом расстрела.

Только уже недавно, здесь, во Владивостоке, я узнал точно количество сил, стоявших около Петрограда и ожидавших приказа занять его. Совершенно непонятно, почему Керенский не взял их, с которыми смело можно было занять столицу, а взял только сотни три казаков.

Кровь, куски мозга, трупы – вот что я встретил в Петрограде⁴.

Побившись еще недели две, я решил ехать обратно на фронт.

Я. Б[яшков]

Приморская жизнь. 1918. 2 октября. № 32.

¹ Речь идет о Запасном дворце, расположенном по ул. Садовой Царского Села. В 1909–1917 гг. принадлежал великой княгине Марии Павловне, вдове великого князя Владимира Александровича, сына императора Александра II.

² Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – генерал-майор, в 1917 году – командующий 3-го кавалерийского корпуса.

³ Офицеры, выпущенные из Академии Генерального штаба по второму разряду, то есть без причисления к Генеральному штабу.

⁴ Видимо, речь идет о следах подавления восстания юнкеров в Петрограде 29 октября 1917 г.

№ 7. ОЛИНРОК-БАТЫР [ЧАСТЬ 2]

23 ноября 1918 г., суббота

К молебну пришлось приготавливаться.

Позвал двух вестовых и стал одеваться. Весь парадный костюм, кроме разве сорокааршинного пояса, можно одеть и самому, но, во-первых, сами монголы лучше предусмотрят все мелочи, а во-вторых, признаюсь, я люблю помпу.

Вот я облачен в зеленовато-голубой, цвета морской волны, шелковый халат; замотан в широченный пояс со всякими побрякушками и, надев шапочку с красным шариком – знак моего сана¹, выхожу на двор.

Распущенные моим слабым знанием тонкостей обращения, монголы на сей раз, при виде парадной формы, прониклись к моей персоне должным почтением, и я выезжаю, сопровождаемый свитой человек в двенадцать. Один из солдат, как сумасшедший, сломя голову, помчался вперед предупредить о моем шествии, говоря по-монгольски.

Встречные заранее сворачивали с дороги и долго оглядывали нашу блестящую кавалькаду.

За одним из поворотов показался мой неизменный спутник – хунхуз Чеклур, с которым мы условились приехать в храм.

Свита у него была всего в пять человек, но, пожалуй, даже лучше моей: если мои солдаты были великолепно одеты, то его хунхузы, кроме того, были вооружены до зубов.

Церемонно раскланявшись, мы соединились и поехали дальше.

Заходящее солнце бросало свои последние прощальные лучи. Долина уже окутывалась едва заметным мраком. Величественная гора Богдо-Ула² еще освещалась, но правая сторона долины – горы Цаган и Улан только своими вершинами выделялись на ярко-желтом небе.

Кончившие трудовой день китайцы возвращались в свой город. Молча шли черно-рабочие, блестя бронзовой наготой; ехал купец в своей скрипучей арбе, мелкими шажками идет стройный мул, а китаец сидит под балдахином и высоким, страшно высоким, неестественно напряженным голосом поет песни своей родины. На

¹ Судя по всему, в первой части описывается присуждение герою повествования монгольского сана, ниже упоминается титул «Ундур-нойон» (монг. высокий господин),возможно, калька с титула «ваше высокоблагородие». Головной убор с непрозрачным красным шариком из коралла в цинской традиции соответствовал званию чиновника второго ранга.

² Богдо-Ула, Богдо-Хан-Ула (совр. монг. Богд-Хан-Уул) – гора с юга примыкавшая к городской территории Урги.

прекрасных иноходцах спешат хозяева, доверенные, и солидное спокойствие написано на их довольных, раскормленных лицах.

Быстро проскакивают монголы, лихо изогнувшись в седле и повязав голову обрывком цветной тряпки.

В старой, полинявшей от времени карете, запряженной парой высоких худых кляч, идет целый гарем какого-то южного царька. Из выбитых окон с любопытством выглядывают ярко накумаренные красавицы-жены. Длинными нитями спускаются с головы жемчуга, красиво обрамляя хорошенькие личики, и видно, очень хочется им узнать, куда это едет Ундур-Нойон с генералом Чакдуром, окруженный такой пышной свитой...

Проехали город и вступили в монастыри.

Свита приблизилась и окружила нас тесным кольцом.

Быстро, как сон, промелькнули сумерки, и все утонуло во мраке. Только горы по-прежнему своими причудливыми вершинами четко вырисовываются на ярком небе.

Дикий плотоядный вой раздался неподалеку; громко пронесся он по умолкнувшей долине, ища себе отклика.

Тут и там, и совсем близко и где-то в горах отозвались на зов товарища собаки-людоеды.

Лошади стали беспокоиться и пугливо пофыркивали.

Все ближе и ближе раздается вой, плотоядный, голодный.

А тут еще приходится проезжать знаменитую Долину смерти – царство людоедов.

Всадники нервничают, и это передалось лошадям.

Вскоре они перешли на галоп, а там – на карьер.

Слышно, как копыта иногда глухо стучат о кости покойников, съеденных здешними четвероногими хозяевами.

А собаки несутся стаяй за нами с хрипом и плотоядным стоном, в который выливается вечный голод и звериная жажда человеческой крови.

Вот-вот достигнут, и начнется дикая кровавая вакханалия.

Вдруг за одним из бугров навстречу нам хлынули еще более ужасные вопли.

Будто сотни тысяч грешников стонали, мучимые чертями.

Клубы красного дыма вырывались из-под земли.

С глухим рычаньем отступили собаки и подняли отчаянный вой – вопль неудовлетворенного голода.

Навстречу нам вынырнула темная фигура.

«Соизвольте пожаловать, Нойон!» – оказывается, мой солдат.

То, что сперва мы приняли за клубы дыма – просто парный воздух, выбивающийся в темноту из-под крыши освещенного храма.

Входим.

В огромной зале рядами сидят монахи и молятся. Они все одеты в красивые халаты. Лица завешаны маской из спускающихся черных нитей, сквозь которые виден только нос, да блестят фосфорическим блеском глаза. В руках у них длинные трубы из бедренных костей и барабанчики из человеческих черепов с натянутой человеческой кожей. И маски, и барабаны украшены серебряными черепами.

Глухой ночью из тела семнадцатилетней девушки надо вырезать кости и, заклинаниями призвав черта, сделать все вещи.

На председательском месте сидит Святой Добчин и руководит молебном.

«Олинрок!»¹, – густым басом провозглашает Добчин. «Олинрок! Олинрок!..», – неистово подхватывает трехтысячный хор, все повышая и повышая голос хроматической гаммой.

«Олинрок!.. Олинрок!..»

Наконец голоса, дойдя до наивысшего напряжения, обрываются.

Дико, с хрипом, завывли трубы-кости; с костяным лязганьем дробно гремят барабаны.

Скоро к оркестру присоединилась скрипка, сооруженная из человеческих черепов, голеней, ребер, с натянутыми вместо струн волосами покойников. Будто огромное кладбище ожило, и кошмарные стоны и вопли покойников несутся из могил, и слышится стук шевелящихся костей.

«Олинрок!»

«Олинрок!.. Олинрок!..» – подхватывают монахи под бой барабанов.

А потом опять трубы, опять кошмарный оркестр и хор покойников.

¹ Олинрок – обратное написание (реверсив) фамилии «Корнило[в]». Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал от инфантерии, в июле – августе 1917 г. – Верховный главнокомандующий, лидер правых сил летом – осенью 1917 г., создатель Добровольческой армии.

В такт покачиваются монахини. Глаза дико загораются и вскоре устремляются в одну точку:

Олинрок пришел!

Моментально все смолкло.

Секунду в ушах продолжало звенеть, а там настала мертвая тишина, – все оцепенело.

Хором, покаянными мотивами запели монахини гимны пришедшему на зов герою.

Ужас напал на нас.

Мы не видели Олинрока, но всем своим существом ощущали его присутствие.

Мои солдаты лежат ничком, чуть внятно шепча заклинанья.

Я чувствую, что цепенею, лишаюсь воли...

Еще немного, и я увижу сам вызванную тень и дико завою с хором.

«Олинрок!.. Олинрок!.. О – !..»

«Пас!» Неожиданно вскрикивает Святой, и очарованье исчезло.

Тихо трубят трубы; тихо поются умиловительные молитвы, маски снимаются...

* * *

Бледные, пошатываясь, вышли мы из храма.

Лошади не узнают нас и не дают сесть в седло.

Несмотря на холодную ночь, они все в пене.

Сторожившие нас собаки-людоеды с воем отходят, и при свете луны видно, как они, поджав хвосты и подняв морды, с воем удирают в горы, в свои логовища.

Молча добрались мы до дома.

Спать не хотелось, и я пошел на берег Толы.

Яркий месяц освещал долину.

Спящим великаном лежала священная гора Богдо-Ула.

У ее ног шумящей и искрящейся лентой бежала веселая Тола.

Воздух, казалось, замер и не шелохнется.

Царь Сов спустился на землю и все покрыл своим плащом.

Сзади раздалися шаги по шуршащей прибрежной гальке.

Недовольно оглядываюсь. Оказывается, это мой приятель Баир.

– Нойон, я только что узнал, кому молились сегодня, чью тень вызывали в храме колдунов.

Нойон, ты, что так редко встречается, понял, что жизнь есть сказка и сказка есть жизнь. Поэтому я без боязни быть осмеянным, расскажу, кто такой Олинрок.

Мы, посвященные, считаем Олинрок-Батыра нашим русским Героем¹.

Давно он жил, – народная память утерьяла точную дату, – но сегодня Святой Добчин нашел дату его второго пришествия. Это двойное чередование двух самых священных чисел: 1 и 9. В 1919 году снова придет к нам, восстав из тьмы веков, Олинрок-Батыр и защитит Родину от грозящей ей гибели. Какой гибели, я не знаю, т[ак] к[ак] не колдун, и Добчин сказал одно: «Вспомни преданье! Вспомни преданье».

А вот что оно гласит.

Почти тысячу лет тому назад на северо-западе царствовал Алокин-Хан².

Питавший к этой династии злобу Владыка темных сил – Мангас подослал к Хану своих верных слуг.

И сошел Хан с ума.

Жадные царедворцы воспользовались этим и стали грабить народ, насмехаясь над ним.

Восстал народ, убил Алокин-Хана и лукавых приспешников его.

В дурные сны, в голод и лживо-красивые речи обернулись верные слуги Мангаса и вселились в народ.

Все перевернулось наизнанку, понятия спутались.

Свобода в толкованиях Мангаса превратилась в кошмарный гнет темных сил Ада.

Любовь к Родине стала изменой ей, а измена Родине назвалась любовью.

Гений подлости облекся в одежду честности, и подлость стала честью.

Мрак стал светом, и свет считали мраком.

¹ Поразительная формулировка в устах персонажа-монгола.

² Алокин – реверсив имени «Никола[й]», имелся в виду император Николай II.

Все обезумело, все смешалось.

Мало осталось Богатырей: много погибло их в неравной битве с Адом.

Наконец вышел на битву Богатырь из Богатырей, Рожденный Волею Синего Неба, Светлый Олинрок-Батыр.

Жалкие остатки огромных войск сгрудились около него и отчаянно борются с нечистью.

Долго думал коварный Мангас, как бы это ему победить посланника Неба, и послал, наконец, на борьбу Клевету.

Маленькая, юркая змейка быстро пробралась незамеченной между героями и набросилась на Олинрока.

Ударил мечом Богатырь, перебил змейку пополам, а она опять срослась и стала вдвое больше.

Страшные молниеносные удары наносит Богатырь, а змея все растет и растет. И выросши ростом с горные хребты Алтая, останавливая своим хребтом плывущие в голубой выси облака, проглотила змея Олинрока-Батыра.

И исчез посланник Синего Неба.

Умер Богатырь из Богатырей, Светлый Олинрок¹.

Стон прошел по стране.

Задрожала земля; реки вышли из берегов; дикий ветер неистово метался по морям, тысячами топя корабли.

Глухими раскатами грома и яркими слепящими молниями встретило Небо смерть своего героя.

Владыка мертвых Хан Хормузда-Тенгрий с почетом принял великий дух и, глянув в книгу Рока, увидел, что недолго должен находиться Олинрок в его царстве и скоро опять вернется на смертный бой с Мангасом...

* * *

Мангас торжествовал.

Тысячами пожирал он побежденных и одураченных людей; сотнями жрали их его приспешники.

Увидали люди свое безумие, опомнились, но нет им выхода из когтей Мангаса.

¹ Генерал Л.Г. Корнилов погиб 31 марта (13 апреля) 1918 г.

Стонала земля от воплей.

Снова уменьшилась до своих прежних размеров клевета, и увидали люди тело Олинрока.

«Олинрок!.. Олинрок!»

Вопят обезумевшие люди, тщетно слясь спрятаться от плотоядного взора и цепких лап Мангаса.

Кровью потекли реки.

* * *

Наконец настал час, назначенный Роком, и отпустил Владыка мертвых Хан Хормузда-Тенгрий Олинрок-Батыра.

И воскрес Богатырь из Богатырей, посланник синего неба, светлый Олинрок-Батыр¹.

Дыханьем ветра; шорохом сонной степи; звоном белоснежных лебедей; рокотом журавлей в небе идет молва:

Олинрок жив!

По вершинам снеговых гор; по зеленым макушкам темных крон; бесконечными песками пустынь идет молва:

Олинрок воскрес!

Из аила в аил; из юрты в юрту; от одного всадника к другому; из конца в конец передается радостная весть.

«Олинрок воскрес!

Олинрок-Батыр опять с нами!»

Как расстроенные ряды войск сразу подбадриваются при звуке труб, так и вся страна воспряла духом при этой радостной вести.

Одинокие бойцы стали собираться со всех сторон под знамена богатыря.

Звоном мечей и жужжанием стрел наполнилась страна.

¹ 30 октября 1918 г. в № 55 «Приморской жизни» было опубликовано следующее сообщение: «По слухам, исходящим из иностранных источников, в Западной Сибири совершен политический переворот. Во главе движения стоит адмирал Колчак. Этот слух нуждается в проверке». Несмотря на опровержение этого сообщения Владивостокским отделением Сибирского телеграфного агентства, редакция «Приморской жизни» отказалась дезавуировать вышеприведенную информацию.

И дрогнул Мангас.

Гулом набежавшего шквала донеслось до него:

«Олинрок жив!

Олинрок воскрес!»

Чудом показалось Мангасу такое преображение, и понял он, что настал его конец.

На чудном белом, как снег, жеребце едет Олинрок Богатырь, всюду радостно встречают его исстрадавшиеся жители.

Вековые споры, междоусобные споры и драки сами собой прекратились с появлением Белого всадника.

Богатыри и Ханы выходили к нему навстречу и присоединялись к его все растущим и растущим войскам.

Как капли дождя и мелкие ключи, соединяясь, дают начало рекам и синим морям, разбивающим самые неприступные черные скалы, так и войска Олинрок-Батыра незаметно выросли и стали, подобно волнам, бьющим о гранит, теснить войска Мангаса.

Видит Мангас конец свой и пускается на хитрости: с богатыми подарками посылает он гонцов к герою и весь мир сулит ему в награду за сохраненную жизнь.

Неумолим и непреложен Рок.

Неумолим и неуклонен Олинрок-Батыр — орудие Рока. Бешеными ударами, кровавыми битвами теснит он Мангаса.

Не успело пройти лето, как вся Родина была освобождена от мангасовых шаек, и вскоре он сам был пойман и казнен.

Так умер злой гений страны — Мангас, пораженный рукой и волей могучего Богатыря Олинрок-Батыра.

Свободно вздохнул освобожденный народ и зажил богато и счастливо, как жил до великого позорища.

Долго царствовал мудрый Богатырь над великим народом, и пришло наконец время смерти.

Собрал Олинрок своих приближенных и говорит:

«Вот настал час, и я ухожу в другой мир.

Много еще надо совершить мне, и нескоро приду я опять к вам.

В годину тяжелых испытаний, в годину безысходного ужаса приду я вновь к вам.

И горе врагу!»

Так умер Великий Олинрок-Батыр, Рожденный Волею Синего Неба, но слава о нем не умирает в его потомстве и по сие время и многие ждут его вторичного пришествия.

И, говорят, скоро придет.

Мне говорил Добчин, что по гаданьям твоя судьба, Нойон, крепко связана с появлением Олинрок-Батыра. Запомни это.

Все прервали слуги, пришедшие за нами, напуганные дикими колдованиями.

А восток уже белел.

Над рекой забелел легкой дымкой туман.

Потянуло сыростью.

В Долине Смерти собаки подняли страшный вой — напрасно им принесли их новую жертву.

Я. Б[яшков]

Приморская жизнь. 1918. 23 ноября. № 75.

№ 8. [ЭПИЛОГ] ПРЕДСКАЗАНИЕ

24 ноября 1918 г., воскресенье

Еще в 1830 году М.Ю. Лермонтов предсказал:

Настанет черный год, России черный год,
Когда династия Романовых падет,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пища многим будет смерть и кровь¹.

Настал «черный» год, 1918 год. Сбылось предсказание великого русского поэта.
Настал год смерти и крови...

Далее поэт пишет:

Когда детей, когда невинных жен,
Низвергнутый, не защитит закон:
Когда чума из смрада мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел.

¹ Стихотворение явно цитировалось Бяшковым по памяти: в тексте, приводимом им, присутствует целый ряд мелких разночтений с канонической версией стихотворения. Впрочем, имеются два, явно вызванных сознательным замыслом, а не дефектами памяти. Во-первых, вторая строка была изменена (у Лермонтова: «Когда царей корона упадет»). Во-вторых, опущены четыре строки с седьмой по десятую, описывающие чумной мор. Ср. характерное для послереволюционного времени восприятие данного лермонтовского стихотворения: [Струве, 1999].

И действительно, вся Россия заражена и умирает. Умирает, быть может, навсегда от чумы – идейной – большевизма и от чумы, холеры, голодного тифа...

Наконец, наш пророк говорит:

И зарево окрасит волны рек.
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож.
И горе для тебя! Твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон...

До сих пор мы еще не уяснили себе, что звероподобного Ленина слева может свергнуть лишь такой же звероподобный Ленин справа.

Мы, почему то, думаем, что величайшего злодея человечества может свергнуть «демократия». Та самая «демократия», которая разбилась на осколки от удара революции.

Мы еще боимся диктатуры, как единоличной власти во имя самоспасения.

Сама жизнь дала нам эту власть, известную с самой лучшей, самой блестящей, самой честной стороны! Всем известен герой этой власти, этот великолепный сын великой России¹.

А между тем, темная масса уже подтачивает эту власть.

Ну, что ж!

Попросим нашего великого пророка говорить за нас:

И горе для тебя! Твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом».

¹ Это более пафосная версия характеристики вице-адмирала А.В. Колчака, опубликованной в редакционном материале газеты неделей ранее: «Военный и морской министр Александр Васильевич Колчак хорошо известен русскому обществу и за границей <...> Адм[ирал] Колчак – энергичный, прямой и настойчивый человек. Средины он не знает. Это хороший сын России» (Приморская жизнь. 1918. 15 ноября. № 68).

23 ноября 1918 г. «Приморская жизнь» открыла свои страницы следующим сообщением, напечатанным крупным шрифтом: «Переворот в Омске. Временное Всероссийское правительство упразднено. Адмирал А.В. Колчак назначен Верховным Правителем всей России и Главнокомандующим всеми вооруженными силами. Исполнительная власть сосредоточена в руках совета министров во главе с премьер-министром П. Вологодским». В следовавшей далее редакционной статье провозглашалось: «Отныне мы выбираемся из того тупика, в который нас завели враги народа, враги нашего государственного возрождения, враги культуры и порядка. Приветствуем зарю нашего возрождения. Слава тем, кто твердо и бесстрашно взял в свои руки кормило государственной власти во имя спасения гибнущей родины!».

Вот именно, новому диктатору, лицу, не привыкшему «гуманничать»; смешон будет наш стон.

И море крови зальет Россию. Раз не сумели понять того человека, который во имя спасения родины взял на себя тяжесть власти во имя гуманности, то получайте другого:

И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Получайте такого, который мозги ваши размажет по забору. Который детей ваших отдаст на корм свиньям.

Не все ли равно, будет это Ленин или ярый черносотенец?

Оба они – братья по крови.

Оба они страшны своей великой силой, своей властью над людьми.

Оба они все и всех готовы вырезать нещадно, во имя одной преследующей их великой идеи.

Оба они могут явиться с «возвышенным челом», как явился Ленин, и устрасить своим смертоносным плащом – ужасом смерти и могилы.

* * *

Помните же все это, русские люди! Чувствуйте погибель родины!

Учитесь повиноваться добрым, чтобы не попасть под ярмо злых...

Приморская жизнь. 1918. 24 ноября. № 76.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Елихина Ю.И. Некоторые находки из монастыря Сарьдаг, хранящиеся в Государственном Эрмитаже // *Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: материалы III Международной научной конференции. 20–22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург, Россия.* СПб.; Улан-Батор, 2019. С. 65–72.

Муратов Х.И. Революционное движение в русской армии в 1917 году. М.: Военное издательство, 1958. 390 с.

Перхин В.В. Художественная позиция журнала «Иллюстрированная Россия» (1926–1939) // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.* 2014. № 1(18). С. 76–82.

Струве П.Б. Из «Заметок писателя»: «Предсказание» М.Ю. Лермонтова, которое должен знать всякий русский человек // *Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов*. Ред. Д.Ф. Михайлов. М.: Русский мир, 1999. С. 18–19.

REFERENCES

Elihina Yu.I. Nekotorye nahodki iz monastyria Sar'dag, hraniashiesia v Gosudarstvennom Ermitazhe [Some finds from the Sardag Monastery stored in the State Hermitage Museum], in *Kul'turnoe nasledie mongolov: kollekcii rukopisej i arhivnyh dokumentov. Sb. dokladov III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 20–22 aprelya 2017 g. Sankt-Peterburg, Rossiya* [Mongolian cultural heritage: collections of manuscripts and archival documents. April 20–22, 2017. Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg; Ulan-Bator, 2019. Pp. 65–72 (in Russian).

Muratov H.I. *Revolucionnoe dvizhenie v russoj armii v 1917 godu* [The revolutionary movement in the Russian army in 1917]. Moscow: Voennoe. izd-vo, 1958. 390 p. (in Russian).

Perkhin V.V. Khudozhestvennaya pozitsiya zhurnala "Illyustrirovannaya Rossiya" (1926–1939) [Artistic position of the magazine "Illyustrirovannaya Rossiya" (1926–1939)] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2014. No. 1(18). Pp. 76–82 (in Russian).

Struve P.B. Iz "Zametok pisatelya": "Predskazaniye" M.Yu. Lermontova, kotoroye dolzhen znat' vsyakiy russskiy chelovek [From the "Writer's Notes": "Prophesy" by M.Yu. Lermontov, which every Russian person should know], in *Fatalist. Zarubezhnaya Rossiya i Lermontov* [Fatalist. Foreign Russia and Lermontov]. Ed. by D.F. Mikhailov. Moscow: Russkiy mir, 1999. Pp. 18–19. (in Russian).

Статья принята к публикации 28.08.2021